

Высказывания о разрушении предмета архитектурной культуры, профессии и предмета теории архитектуры не одобряются теми, кто считает себя архитектором. Вместе с тем глубокий кризис и в теории, и в практике налицо. Обращение теоретиков архитектуры XX и начала XXI века к внешним по отношению к архитектуре предметам – социологии, психологии, семиотике, экологии, постструктуралистской критике и пр. – вместо обогащения и обновления теории архитектуры дало прямо противоположный результат. Необходима качественно новая независимая парадигма архитектуры. Она должна содержать три особых по своей логико-предметной природе части: онтологию архитектуры, методологию и аксиологию архитектурной мысли. Ключевые слова: архитектурная культура, профессия, предмет теории архитектуры, кризис, новая парадигматика, онтология архитектуры, методология архитектурной мысли, аксиология архитектурной мысли. / Those who consider themselves architects disapprove of the statements about destruction of the subject of architectural culture, profession and of the subject of architectural theory. At the same time, a deep crisis of both theory and practice is obvious. When theorists of architecture of the 20th and early 21st centuries turned to the subjects external to architecture – sociology, psychology, semiotics, ecology, post-structuralist criticism, etc., instead of enriching and renovating the architectural theory, the results were just the opposite. A brand new and independent paradigm of architecture is needed. It should contain three parts specific by their logical-subject nature: ontology of architecture, methodology of architectural thought and axiology of architectural thought. Keywords: architectural culture; profession; subject of architectural theory; crisis; new paradigmatics; ontology of architecture; methodology of architectural thought; axiology of architectural thought.

Архитектура в собственной тени / Architecture in Its Own Shadow

Говоря о разрушении архитектурной культуры, профессии и предмета теории архитектуры, я редко встречаю одобрительные знаки со стороны коллег по профессии. Нежелание соглашаться с тем, что архитектура как таковая исчезает и всюду уступает место некоторой разновидности дизайна, можно объяснить простым принципом всякой убежденности: такого не может быть, потому что не может быть никогда.

Как может исчезнуть архитектура и как явление культуры, и как профессия, когда на свете существуют «я» с дипломом в руках (от «специалиста» до академика), и столько институтов с гордыми названиями, включающими слова «архитектура» и даже «теория архитектуры». Архитектуре посвящаются исторические труды, энциклопедии, журналы и интернет-сайты – какое же тут исчезновение и разрушение?

Поскольку в таком случае мысль о неразрушимости архитектуры становится синонимичной мысли о существовании того или иного архитектора или главы архитектурного института, она неопровержима извне, и мне остается только уйти от споров на эту тему в сторону и остаться в одиночестве.

Но и тут этот вопрос возвращается ко мне с неожиданной стороны и формулируется примерно так: «А кто же тогда я сам?», ведь я-то, как и все мои оппоненты, считаю себя архитектором, вопреки убежденности в смерти собственной профессии.

Это не пустой парадокс, но истолковать его смысл не просто.

Ведь ссылка на то, что до сих пор нет никакого внятного толкования самого понятия «архитектура» (достаточно без предубеждения прочитать статью на эту тему в любом словаре), мало кого убедит: «все врут календари», а вот интуиция принадлежит к архитектуре у каждого своя. Поэтому мне придется попытаться пояснить, как эта идея пришла ко мне в голову.

Поначалу она жила в безобидной форме надежд на то, что история скоро покажет, каких новых высот достигнет архитектура в ближайшем будущем. На студенческой скамье это означало примерно следующее: несмотря на ошеломительные успехи мастеров современной архитектуры от Ле Корбюзье до Луиса Кана, будущее ее еще ослепительнее. Но будущее что-то не торопилось и до настоящего времени показывает совершенно противоположное – подмену архитектуры строительным дизайном и восторги перед инфантильным техницизмом Хадид, Калатравы и прочих «звезд».

Тогда пришлось обратиться к теориям и идеям, которые еще не успели ослепить нас в реальности, но уже готовы завоевать наши умы и сердца на бумаге. Увы, проектов, которые обладали бы такой внушительной силой, не видать, а теории страдают все до одной робкими заимствованиями идей из философии (прежде всего семиотической, то есть лингвистической и постструктуралистской, с ее ныне очевидным критическим и специфическим скепсисом) и несколько поистершимися пересказами научных

программ социологии, футурологии, иконологии, герменевтики, системной методологии и пр.

Видя, что архитектура сворачивает со своего магистрального пути на окольные дороги концептуализма в искусстве и чужих предметов науки: лингвистики, экологии, информатики и философии (феноменологии, деконструкции и пр.), я стал ревниво провозглашать необходимость автономии и суверенитета своей собственной мысли в архитектуре.

Но позднее я понял, каковы преграды и трудности в решении такой задачи. Ибо в большинстве случаев обращение теоретиком архитектуры к внешним по отношению к архитектуре предметам – социологии, психологии, семиотике, экологии, постструктуралистской критике и пр. – имело целью как раз обновление и возрождение предмета теории архитектуры, и это обновление понималось как привлечение к теории архитектуры новейших интеллектуальных ресурсов науки, техники и философии. Результат же был прямо противоположным. Все эти теории не столько обогащали архитектурную мысль, сколько осуществляли экспансию в архитектуру своих собственных парадигм. Аналогию можно видеть в политике: когда слабеющее государство мечтает усилить свой суверенитет, обзаводясь более мощными союзниками, оно неизбежно становится вассалом последних.

Казалось, что тут скорее применим лозунг Мао «Опора на собственные силы». Беда лишь в том, что эти собственные силы как раз и оказались неспособны на выдви-

жение собственных новых парадигмальных оснований и потому-то и обращались к соседним сферам знания и опыта.

Трудность этой проблемы состоит, однако, не в том, что необходимо каким-то образом отгородиться от внешних сфер и сосредоточиться только на собственной традиции и интуиции. Такое затворничество, скорее всего, лишь усилило бы разрушение собственного предмета, здесь необходим какой-то средний путь, хотя и не компромисс. Необходимо учитывать события развития философии и науки и в то же время критически понимать и рефлексивно ограничивать проникновение инопредметных понятий и методов в лоно собственного предмета.

Непреодолимость этих внешних сил в случае с архитектурой объясняется как раз тем, что все они в истории играли роль неколебимых авторитетов. Сначала это была религия и философия древности, затем наука и идеология нового времени и, наконец, диктатура партийной и государственной бюрократии и финансовой олигархии.

Религия была одновременно и интеллектуальным, и властным авторитетом; наука обладала одной лишь силой позитивных знаний, экспериментальных методов; партийная идеология претендовала и на идейное превосходство, и на политическую диктатуру. Ленинские слова «Учение Маркса всеильно, потому что верно» практически (или, если угодно, диалектически) означали, что учение Маркса верно, потому что партийная власть и ее идеология всеильна.

Ныне вместо партийной власти и ее идеологии приходит экономический прагматизм, но на практике он же вполне «диалектически» превращается в новый культ силы ТНК и финансового капитала (пример – история Охтацентра в Санкт-Петербурге). Архитектура по-прежнему оказывается под двойной зависимостью (не станем говорить о «гнете») идеологии и власти – на сей раз экономической идеологии и финансовой власти.

Ясно, что побороть эту двойную зависимость невозможно даже с помощью сильнейшей левой критики Франкфуртской школы: Барта, Тафури, Делеза, Лакана. Жижека или левой американской школы журнала «Оппозиции». Критика при этом порой бывает блестящей и теоретически остроумной, но, преследуя цель разоблачения несостоятельной архитектурной аргументации, она сама по себе новой профессиональной парадигматики не создает, производя в лучшем случае лишь атмосферу для более свободной от внешних авторитетов мысли.

История архитектуры, в особенности история теоретических концепций, тоже не ставит перед собой такого рода цели. А в качестве истории вполне закономерно использует методы, достигнутые в герменевтике и археологии знания.

Наконец, быть может, самая главная причина оскудения архитектурной теории в том, что она практически не нужна и практикам, и системе архитектурного образования: оба этих вида деятельности в настоящее время ограничиваются декларативным нонконформизмом (а у нас столь же декоративным конформизмом), сохраняя традиционные формы и методы работы, уже вросшие в экономический и юридический институты профессиональной жизни.

Что же остается?

Остается рискованная, но не имеющая альтернатив инициатива – попытка предложить какую-либо парадигматику в сфере независимой профессиональной мысли. Такие попытки имеют место, хотя остаются совершенно не замеченными ни внутри, ни вне профессии. Одна из них – программа новой онтологии архитектуры, предложенная М. Р. Савченко.

Говоря о Савченко, не могу не покаяться. Столь необходимая для его инициативы профессиональная полемика оказалась ему недоступной. Отчасти в этом и моя вина, так как М. Р. Савченко неоднократно приглашал меня к полемике и сам ввязывался в полемику с моими

публикациями. Но его возражения мне всегда казались неуместными, а возражать ему я не мог в силу неразработанности моей собственной парадигматики до той степени, которая была бы способна реагировать на параллельные инициативы.

Поэтому на сегодняшний день могу только предложить те результаты, которые достигнуты мной за годы после смерти Савченко (2009–2016).

Новая парадигма теории архитектуры

М. И. Савченко и я выступали с позиций необходимости качественно новой парадигмы, выходящей за рамки авангардистских и академических вариантов XIX–XX веков. Такая теория, на мой взгляд, должна содержать по крайней мере три особых по своей логико-предметной природе части:

– **онтологию архитектуры**, в которой исследуются самые формы бытия архитектурной мысли и важные типы ее развития, понятия и модели ее теории, виды типологических схем, нормативные и ненормативные структуры;

– **методологию архитектурной мысли**, охватывающую и рациональные, и интуитивные приемы и механизмы;

– **аксиологию архитектурной мысли**, в которой рассматриваются бы уникальная миссия архитектуры как ценности и культурной индивидуальности.

Но начало работы приходится отводить не онтологии, а методологии, в которой осмыслилась бы природа теории, ее отношение к практике с ее системами знания, умения и понимания. Поэтому в предлагаемом мной нынешнем виде эта предварительная часть исследований занимает чуть ли не основное место наряду с экскурсами в процесс распада предмета архитектурной теории.

Среди последних – ситуация в архитектурной полемике конца 50-х – начала 60-х годов, когда на сцену вышли проектные утопии НЭР (имевшие отдаленное сходство с некоторыми архитектурными утопиями и авангардными идеями на Западе 60-х годов) и дискуссия о природе архитектуры, в основном направленная против идеи И. Л. Маца, разделявшего архитектуру и «простое строительство».

Но дискуссия эта постепенно затухла, так как велась силами всей советской архитектурной теоретической армии, использующей ядерное оружие марксистско-ленинской идеологии против безоружного, хотя и прокоммунистически настроен-

ного венгерского интеллектуала И. Л. Маца.

В дальнейшем к этой истории, как к пороховой бочке, старались не подходить. А. В. Иконников все силы своей энергичной натуры бросил на пропаганду модернизма, С. О. Хан-Магомедов еще больше сил отдал реанимации идей русского архитектурного авангарда, В. И. Локтев занялся космосом и японским метаболизмом, В. Аронов вернул в обиход идеи Г. Земпера, Б. Михайлов вернулся к источникам Витрувия, Г. С. Лебедева делала попытки привить к отечественному древу теории архитектуры идеи семиотики, но в конце концов и она сделалась историком. История на всех фронтах одерживала победу над теорией.

То же самое в несколько иных формах происходило и на Западе. Крупнейшие мыслители с наибольшей теоретико-философской эрудицией все же оказывались историками (Б. Дзеви, М. Тафури, Дж. Рикверт, К. Фромптон и пр.).

Кристофер Александер, начавший было разрабатывать теорию города на математической основе, быстро выдохся и сделался представителем неоконсервативной нормативной теории как системы удачных образцов.

Возвращаясь к названию статьи, нужно заметить, что эти плачевные итоги во многом обязаны падению авторитета аксиологического понимания архитектуры как дисциплины, обслуживающей высшие культовые практики. Сначала религию (и отчасти заключенную в ней мифологию), затем культ власти, церковной и светской, и, наконец, культ финансовых и производственных элит.

В тоталитарных и посттоталитарных странах имело место совмещение двух культурных сил – власти и экономической и бюрократической элиты. Демократические страны оказались в принципе не способны слишком высоко подняться над духовным горизонтом массового потребления, и архитектура церковных, культурных и просто культурно значимых объектов постепенно стала сходиться на уровень коммерческих зданий. Общественный запрос на архитектуру как искусство создания «вечных» ценностей стал быстро сближаться с аксиологией дизайнера, рассчитанного на потребление в исторически коротких периодах с их ценностями и рекламой.

Подготовка архитекторов в институтах и университетах оказалась, с одной стороны, зависимой от этого нового потребительского идеала массового общества, с другой –

сохраняла некоторые претензии на интеллектуальную и духовную элитарность традиции. На самом деле эти две линии в системах архитектурного образования практически не пересекаются и сохраняют дипломатическое невмешательство в дела друг друга.

Достоинство архитектуры долгое историческое время держалось на авторитете доминирующих элит – церкви, монархии, буржуазии и корпоративного капитала – и продолжает оставаться в тени последнего по сей день, затмив даже бюрократические амбиции военной и политической бюрократии.

Секуляризация жизни в протестантских странах привела к тому, что строительство церквей и храмов все больше унифицировалось и сближалось с обычной коммерческой архитектурой модернизма, а в современной России с ретроспективной практикой стилизаторства и реставрации.

Коммунистические и социалистические идеалы с середины 50-х годов XX века уходят в прошлое даже в странах, сохраняющих коммунистическую идеологию (КНР, КНДР) или дух партийной элитарности (РФ). Эти страны остаются зависимыми от стран активного развития капиталистических отношений.

Собственная профессиональная идеология архитектуры сохраняется либо в тени властных структур, которую эти структуры отбрасывают на архитектуру именно благодаря ее творческим усилиям и успехам (в этом-то и весь парадокс), либо выступает на арене «общества зрелища» как искусство создания быстро морально устаревающих эффектных артефактов и кунштюков.

Перспективы обновления аксиологической значимости архитектуры, рассчитанной на века, сегодня крайне слабы. Однако именно эта маргинальная позиция и оставляет, на мой взгляд, особые возможности ее реанимации, так как опыт развития потребительской культуры сам подвержен закону «отрицания отрицания» и при истощении смысловых ресурсов мира готов выдвинуть в качестве лидирующих до поры до времени самые незаметные и подавляемые ныне формы жизни в качестве лидирующих.

Сумеет ли архитектура заметить этот поворот и разумно им воспользоваться, зависит не только от самих архитекторов и теоретиков архитектуры, но все же прежде всего от них, если таковые полностью не исчезнут вслед за динозаврами.

Александр Рапппорт / Alexander Rappaport